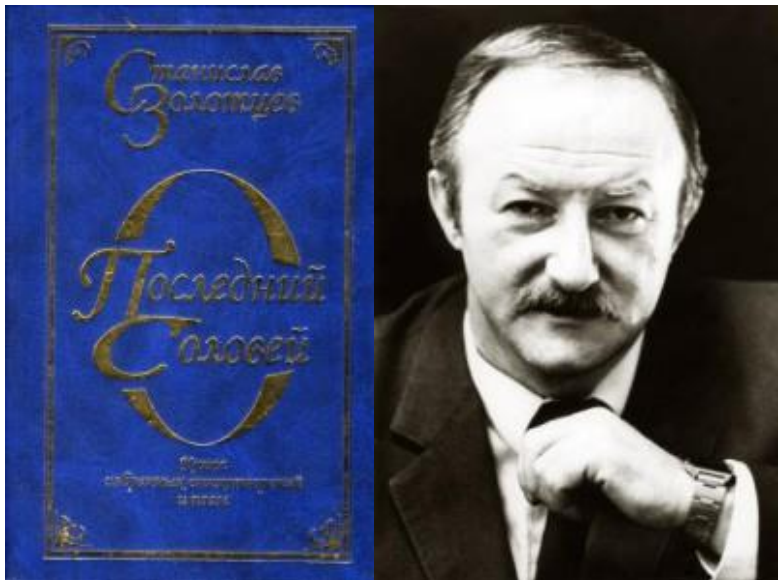

ЗОЛОТЫМ ПО СИНЕМУ

Заметки о поэзии Станислава Золотцева

Держу в руках книгу лирики [Станислава Золотцева](#) «Последний соловей» (М.: Голос-Пресс, 2007). Оформление – золотом тисненая синь, можно сказать, роспись золотым по синему.

Золотой – цвет теплый и земной, источающий богатство и великодушие, синий – это цвет Есенина и России – цвет глубины и высоты. Кроме того, в глубокие синие тона окрашена для человека вечность и бесконечность.

А еще... Если знать, что поэт с Псковщины, сразу вспомнишь золотого барса на лазурном полотнище – символ незабываемого Пскова.

В общем, классическое сочетание индивидуального с общим.

Красиво и со смыслом.

На первый взгляд, по первому ощущению от первых стихов – пафосная, возможно, романтически-контрастная и несомненно оптимистичная лирика

. Она излучала бодрую, сочно-хрустящую, не ведающую сомнений энергию. «Солнце встало – значит, жизнь удалась!» (прямо-таки программная строка), «Мы счастьем выбраны не ради слов красивых» («Утренняя песня»), «И смерти нет сердцам людским! И дышат радостью снега и взоры» («Метель»), «А дорога – все круче. А жизнь – все милей. И поэтому ты ни о чем не жалея» («Заповедь»).

Даже цикл «Ars amandis» – о любви во всех ее проявлениях – наполнен радостью, телесной и душевной. Печаль в любви – на втором плане. Как специя, придающая дополнительные вкус и аромат

Поэт со своим культом жизнелюбия не стесняется противоречить горькой мудрости Соломона: «Жизнь прошла, промелькнула. Однако все осталось. Ничто не прошло» («На кольцо у царя Соломона»). В сухом остатке – вера в бесконечную жизнь.

Кажется, что грустить в присутствии такой призывающей к свету, что ли, лирики как-то неловко.

Нет, стихотворения иной, минорной, тональности в книге не просто встречаются – их очевидно много. Однако от греха уныния и подавленности книга дистанцируется недвусмысленно: «Небо плачем не гневи, если грянул гром. С плеч не скидывай креста, вместо – ляжет срам» (цикл «Credo»). И вот афористически выраженный лейтмотив: «Ибо у жизни – всякой, любой – лишь одно плохое

свойство: она может быть прервана. А все остальное в ней – это счастье» («Стихи о счастье»). Жизнь и счастье зарифмованы по смыслу естественным образом.

Но вот я прочитал книгу. Закрыв ее. Пытаюсь оценить: что запомнилось больше всего?

Что произвело наибольшее впечатление?

И тут удивительным образом на первый план выдвигаются щемяще-грустные интонации.

Постепенно они затмевают первое впечатление – и это второе впечатление становится первым, главным.

Тут до меня доходит: словно подсказка, словно ключ к поэту – «Два коня», стихотворение, которое демонстративно открывает книгу, но которое вначале воспринималось не как визитная карточка поэта, а как мимолетное «виденье». Странно, почему же сразу не разглядел...

*И звенят за рекой и сверкают в некошеной свежести
Две последних косы, луговые срезая цветы,
И сожмется душа от нежданной-негаданной нежности,
От земной и родной – и такой неземной красоты.*

Здесь, вроде бы, нет грусти, но здесь уже затаенная радость, от которой не ликует, а сжимается душа. Вот это мироощущение – в радость вкрадывается и уверенно прописывается щемящая нота – является в книге доминирующим.

Нельзя сказать, что у Золотцева радость отдельно, печаль отдельно. Они слиты – но причудливо, прихотливо. То радость сверкнет на первом плане, то печаль. «Огонь и лед – гнездо моим глаголам» («Мастеровой»). И можно сказать, что внутренним сюжетом книги становится движение от радости – к светлой грусти.

Пусть последний – но соловей! Соловей – но последний...

Черной грусти в книге нет. Эту последнюю черту, отделяющую скорбь от отчаяния, поэт не переходит никогда. Характерно в этом смысле стихотворение «Уединённое»:

*Не в одиночестве унылом –
В уединении живу.*

....

*И, черный хлеб со мной деля,
Платком небес покрыта синим,
Вокруг меня молчит Россия –
Уединенная земля.*

Одиночество – это проекция смерти, уединение – способ зацепиться за жизнь. Есть разница. В целом же жизнеутверждающий мотив книги несколько меняется, трансформируется:

*...Жизнь моя, о, как же быстро ты промчалась!
Как над озером падучая звезда... («Озеро Берёзно»)
Я – радуюсь, хоть в радости моей –
колючий привкус окаянных дней («Апрельский сонет»).*

Что ни говори, радость, отороченная печалью, – это все же более мудрая, более содержательная радость, если так можно выразиться. «Золото увядания» – это очень русское, медитативное по тональности настроение. Точнее, мироощущение. Без печали русским радость не в радость. Чтобы выразить это мироощущение, лучше всего «поговорить», лучше – стихами. Или спеть.

Оно русское еще и потому, что часто слито с русской природой, которая метафизически содержит в себе радость, перемешанную с грустью. В живописи это сумел выразить Левитан.

Золотцев сумел по-своему сказать о самом главном «самом русском», сумел воспринять природу и любовь к жизни в традиционно-русском – традиционно-грустно-радостном – обличье. При этом он ведь нигде не лукавит, не фальшивит и не подражает. Ему веришь.

*Синей хвоей дышу.
Надышаться спешу
Силой, древнею и молодою.
В небесах и смоле,
И в крови, и в золе
Божья воля и русская доля («Я в снегах, как в стихах»).*

Прочитал книгу, пообщался с замечательным поэтом Станиславом Золотцевым, и мне подумалось: мужественные люди часто бывают беззащитны. Поэзия делает человека беззащитным. Любого, даже самого могучего и бесстрашного воина.

Она же делает его бессмертным. Тот, кто сумел обнажить свою беззащитность, то есть свою суть, делает первый шаг к бессмертию.

*Не мне судить, достоин ли я счастья
Поэзии родной служить как Мастер,
Но знаю: я – Ее Мастеровой.
(«Мастеровой»).*

Станислав Золотцев прекрасно отдавал себе отчет в том, что «мы – русские, мы – люди тысячелетий, а не лет» («Ну, хватит плакать, хватит плакать»). Чтобы реализоваться в такой традиции, где цех Мастеров возглавляет Пушкин, необходимо большое мужество. Которое только укрепляется беззащитностью.

Мужество и беззащитность: вот слагаемые большого поэта.

Да плюс судьба.

И талант, само собой.

А время все расставит на свои места.

Так и вплетаются золотыми узорами имена с письменами в бесконечную книгу «Русская литература».

Золотым по синему.

***А.Н. Андреев, доктор филологических наук, профессор,
член СП Беларуси и России (Минск, Беларусь)***